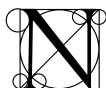

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Влюбленный
повеса*

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л59

Серия «Королева любовного романа»

Johanna Lindsey
A LOVING SCOUNDREL

Перевод с английского *У.В. Сапциной*

Художественное оформление *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*
студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения издательства Atria Books
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Влюбленный повеса : [роман] / Джоанна Линдсей ;
[пер. сангл. У.В. Сапциной]. — Москва: Издательство АСТ,
2017. — 320 с. — (Королева любовного романа).

ISBN 978-5-17-100549-8

Юная Дэнни, знаменитая лондонская карманница, раз и навсегда поклялась принадлежать лишь тому мужчине, который женится на ней. И напрасно красавец аристократ Джереми Мэлори полагал, что, забрав прелестную воровку с улицы и поселив в своем доме, сможет сделать ее своей любовницей!

Пусть Дэнни сгорает от страсти к Джереми и мечтает отдаться ему и душой и телом — мечта станет явью, только если этот знатный и богатый лорд поведет ее к брачному алтарю...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Johanna Lindsey, 2004
© Перевод. У.В. Сапцина, 2016
ISBN 978-5-17-100549-8 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Дождь не смыл вонь и не принес прохлады — жара только усилилась. В тесном переулке громоздились горы мусора: ящики, гниющие отбросы, коробки, битая посуда, всевозможный и никому не нужный хлам. Женщина с ребенком спряталась, заползла в большой ящик на краю кучи и затихла. Малышка не знала, зачем они прячутся, но чувствовала, как страшно ее взрослой спутнице.

Этот страх постоянно сквозил в голосе женщины, отражался на ее лице, в дрожи рук, которыми она обнимала ребенка. Он гнал их по ночам из одного переулка в другой, а днем заставлял скрываться от людей.

Женщина велела называть ее мисс Джейн. Девочке это имя было незнакомо. Собственного имени она тоже не знала. Впрочем, женщина звала ее крошкой Дэнни — значит, так и надо.

Однажды Дэнни спросила, кем приходится ей мисс Джейн, и узнала, что та ей не мать, а няня. Что такое няня, Дэнни уточнять не стала: слово показалось ей смутно знакомым. Мисс Джейн была с ней рядом с самого начала, с тех пор как Дэнни помнила себя, то есть вот уже несколько дней. Однажды проснувшись, Дэнни поняла, что лежит рядом с мисс Джейн в каком-то грязном переулке и что обе они перепачканы кровью. С тех пор они скитались по темным и замусоренным улицам и все время от кого-то прятались.

Испачкались они кровью мисс Джейн. Кто-то пырнул ее в грудь ножом и нанес еще несколько ран. Придя в себя, она как-то ухитрилась вытащить из груди нож, но перевязывать раны не стала. Беспокоясь только за маленькую спутницу, она остановила кровь, сочившуюся из затылка Дэнни, и поскорее увела ее подальше от места, где они обе очнулись.

— Почему мы прячемся? — спросила однажды Дэнни, сообразив, что они делают.

— Чтобы он тебя не нашел.

— Кто?

— Не знаю, детка. Сначала мне показалось, что он просто вор, который решил избавиться от свидетелей. Но теперь не знаю, что и думать. Слишком уж настойчиво он разыскивает тебя. Но я уведу тебя в надежное место и спрячу. Больше он тебя не тронет, обещаю.

— А что он со мной сделал? Не помню...

— Память скоро вернется к тебе, крошка Дэнни, не волнуйся, но придется подождать. Слава Богу, родители этого не видят!

Дэнни ничуть не тревожило, что она помнит только, как очнулась в крови. Она была еще слишком мала, чтобы думать о прошлом или будущем. Ее мучило настоящее — голод, холод и слишком крепкий сон мисс Джейн.

Прежде чем уснуть, няня пробормотала, что было бы недурно порыться в соседней куче мусора, где может найтись что-нибудь полезное, но задремала, не договорив. В ящик они заползли среди ночи, и мисс Джейн проспала в нем весь день напролет.

Опять наступила ночь, а она все спала. Дэнни потрясла ее за плечо, но мисс Джейн не шевельнулась. Она стала совсем холодная и неподвижная. Дэнни не понимала, что няня мертва и что в ящике удушливо пахнет смертью.

Наконец Дэнни выбралась из ящика, решив смыть под дождем запекшуюся кровь. Быть грязной ей не нра-

вилось — значит, она привыкла к чистоте и опрятности. Делая такие простые выводы, Дэнни приходила в замешательство, силилась вспомнить, что было с ней раньше, но не могла.

Чтобы чем-нибудь заняться, она стала рыться в мусоре, как собиралась сделать мисс Джейн, хотя и не знала, что искать — слово «полезный» она услышала впервые. В конце концов Дэнни собрала несколько предметов, которые показались ей интересными: засаленную тряпичную куклу без одной руки, мужскую шляпу, которую нахлобучила на голову, чтобы дождь не заливал глаза, и щербатую, но еще хорошую тарелку. Потом нашлась и пропавшая куклина рука.

Вчера мисс Джейн выменяла на свое кольцо немного еды. Для этого она куда-то уходила днем, прикрыв пятна крови большой шалью.

Дэнни не знала, остались ли у няни еще кольца, за которые дадут еду, а посмотреть не решалась. Но со вчерашнего дня у нее во рту не было ни крошки. Среди мусора попадались и объедки, но Дэнни к ним не притрагивалась — не из осторожности, а потому, что еще не успела настолько отчаяться. К тому же запах гнили вызывал у нее отвращение.

Наверное, она так бы и умерла от голода, забившись в ящик вместе с умершей мисс Джейн и терпеливо дожидаясь, когда та проснется. Но той же ночью Дэнни услышала, что кто-то копошится в мусоре, выбралась из своего укрытия и увидела незнакомую женщину. Женщиной ей показалась девчонка лет двенадцати, но поскольку ростом она была гораздо выше Дэнни, та причислила ее к взрослым.

Поэтому Дэнни обратилась к незнакомке робко и почтительно:

— Добрый вечер, мэм...

От неожиданности девчонка вздрогнула.

— Ты что гуляешь в такой ливень, крошка?

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Чего?

— Так меня зовут — Крошкадэнни.

Ее собеседница хмыкнула:

— Ну, положим, не совсем так... Ты что, живешь здесь?

— Кажется, нет.

— А мать твоя где?

— У меня ее нет, — пришлось признаться Дэнни.

— А другие? Ну, родичи? На бродяжку ты не похожа.

С кем ты живешь?

— С мисс Джейн.

— А, вот оно что, — закивала незнакомка. — А она куда девалась?

Дэнни указала на ящик, и ее собеседница с сомнением нахмурилась, обошла вокруг ящика, наклонилась над ним, присмотрелась и заползла внутрь. Дэнни осталась снаружи — заглядывать в ящик ей больше не хотелось. Внутри пахло противнее, чем от мусора.

Незнакомая девочка вылезла из ящика, тяжело вздохнула и передернулась. Потом наклонилась к Дэнни и слабо улыбнулась:

— Бедняжка... Больше у тебя никого нет?

— Она была со мной, когда я очнулась. Нас обеих кто-то избил. Мисс Джейн сказала, что меня ударили по голове и у меня отшибло память, но потом она вернется. А после мы прятались, чтобы тот человек нас не нашел...

— Что же теперь нам с тобой делать? Возьму-ка я тебя с собой — у нас не дом, просто много детей, есть и старшие. Живем, как умеем. Все мы зарабатываем себе на хлеб, даже такие малыши, как ты. Мальчишки чистят карманы, да и девчонки тоже, пока не подрастут и не начнут заколачивать монету, лежа на спине. Вот и мне скоро придется, если мерзавец Даггер не отстанет...

Последние слова прозвучали с таким отвращением, что Дэнни робко спросила:

— А это плохая работа?

— Хуже некуда, детка, и пикнуть не успеешь, как подхватишь какую-нибудь заразу и сыграешь в ящик. А Даггеру-то что? Ему лишь бы зашибить денегу...

— Такая работа мне не нужна. Спасибо, я лучше останусь здесь.

— Даже не... — начала незнакомка и вдруг осеклась. — Слушай, что я придумала! Эх, жаль, сама не дотумкала раньше, но откуда же мне было знать? Мне-то уже поздно, а вот тебе в самый раз. Мы скажем им, что ты мальчишка.

— Но я же девочка.

— Само собой, крошка, а мы найдем тебе штаны, отрежем волосы... — Девчонка хихикнула. — Никто ничего и не заметит. Увидят, что на тебе штаны, и примут за мальчишку. Как в игре, понимаешь? Будет смешно, вот увидишь. А подрастешь — сама решишь, чем заняться, и никто тебе не скажет, что раз ты девчонка, у тебя одна дорога. Ну как, годится? Хочешь попробовать?

— В такие игры я никогда не играла, но я попробую научиться, мэм.

Собеседница Дэнни закатила глаза.

— Дэнни, ты что, не умеешь говорить по-людски?

Дэнни хотела было ответить: «Извините, не умею», но смутилась и молча покачала головой.

— Тогда лучше молчи, пока не заговоришь, как я. А то тебя мигом раскусят. Не трусь, я тебя всему научу.

— А когда мисс Джейн поправится, она будет жить с нами?

Незнакомка вздохнула:

— Она умерла. Вся была в крови. Я накрыла ее шалью... ну-ну, не плачь. Теперь у тебя есть я.

Глава 1

Джереми Мэлори и прежде случалось бывать в тавернах, пользующихся дурной славой, но в такую он попал впервые. Поскольку таверна стояла на самой границе лондонских трущоб, неудивительно, что ее наводняли воры и головорезы, проститутки и банды беспризорников — несомненно, следующее поколение преступников, какими кишел большой город.

Обследовать сами трущобы Джереми не решался. Отважившись на такой шаг, следовало прежде попроситься с родными и предупредить, что его, возможно, видят в последний раз. Но в эту таверну, больше похожую на воровской притон, ничего не подозревающие добропорядочные горожане заходили без опасений — заказывали кружку-другую, обнаруживали, что кто-то обчистил их карманы, а если по глупости оставались здесь ночевать, то лишались не только кошелька, но и всей одежды и прочего имущества.

За комнату Джереми уже заплатил. Мало того, он буквально сорил деньгами — угостил всех посетителей таверны, распорядился, чтобы музыканты играли не умолкая. Он рассчитал, что рано или поздно здесь его ограбят. Потому и явился сюда в сопровождении друга Перси — ловить вора.

Невероятно, но в кои-то веки Перси Олден держал рот на замке. Непривычное молчание болтливой и к тому же легкомысленной Перси можно было припи-

сать лишь нервозности. А объяснить нервозность не составляло труда: если Джереми чувствовал себя в таверне как дома, поскольку именно в такой обстановке родился и вырос, пока в шестнадцать лет его не разыскал отец, Перси с рождения принадлежал к избранному обществу.

Джереми, если можно так выразиться, «унаследовал» Перси, когда два его лучших друга, Николас Иден и кузен Джереми Дерек Мэлори, обзавелись семьями и остепенились. А поскольку Дерек принял Джереми под крыло еще в ту пору, когда Джереми и его отец Джеймс вернулись в Лондон после долгожданного примирения Джеймса с родными, Перси привык выбирать Джереми своим спутником, отправляясь развлекаться в город, тем более в заведения, где сам он бывал редко.

Джереми не возражал. За последние восемь лет он успел сдружиться с Перси и привязаться к нему. Иначе не стал бы вытаскивать Перси из последней переделки: не далее как в прошлое воскресенье лорд Крэндел с партнерами обчистил Перси в карты до последней нитки. Незадачливый игрок лишился трех тысяч фунтов, экипажа и всех фамильных реликвий, в том числе и двух самых дорогих. Перси так ловко облапошили, что он ничего не помнил, пока на следующий день не узнал о случившемся от одного из гостей.

Перси воспылал гневом, и не без причины. Да, деньги и экипаж были справедливой платой за доверчивость, но два кольца — это совсем другое дело. Одно из них, старинное, было украшено фамильной печаткой, а второе, баснословно ценное, с целой россыпью драгоценных камней, передавалось в семье Перси на протяжении жизни пяти поколений. Перси и в голову не пришло бы поставить его на кон. Очевидно, его вынудили или заставили сделать это с помощью какой-то хитрой уловки.

И вот теперь кольцо принадлежало лорду Джону Хеддингсу. Перси вышел из себя, узнав, что Хеддингс

наотрез отказывается продать кольцо прежнему владельцу. В деньгах лорд не нуждался. В экипаже — тем более. А вот кольца считал трофеями, свидетельствами собственной ловкости и удачливости. Точнее, умения мошенничать — но Джереми не сумел бы доказать это, не увидев своими глазами.

Будь Хеддингс порядочным человеком, он отправил бы Перси спать, вместо того чтобы продолжать спаивать его, подбивая поставить на кон кольца. Сохранись у Хеддингса хоть капля порядочности, он позволил бы Перси выкупить кольца. Перси предлагал сумму, многократно превышающую их стоимость. В конце концов, он не бедствовал: отец оставил ему внушительное наследство.

Но поступать, как подобает порядочному человеку, Хеддингс не желал. Он дерзко посмеялся над Перси и под конец пригрозил ему расправой, если тот не перестанет докучать ему. И это настолько взбесило Джереми, что он решил не выбирать средств. Тем более что Перси был убежден, что за потерю колец мать никогда не простит его. Со дня досадного проигрыша он избегал встреч с ней, чтобы она ненароком не заметила отсутствия фамильных реликвий у него на пальцах.

С тех пор как друзья удалились в снятую на втором этаже таверны комнату, их пытались ограбить трижды. Все три попытки были до смешного неуклюжими, и Перси уже отчаялся найти вора, способного выполнить их поручение. Но Джереми не терял надежды. Три попытки за два часа — неплохо, значит, ночью будет предпринято еще несколько.

Дверь опять приоткрылась. В комнате было темно, в коридоре тоже. Если очередной грабитель хоть на что-нибудь способен, он обойдется и без света, заранее подождав, когда глаза привыкнут к темноте. Шаги прозвучали чересчур гулко. Чиркнула спичка.

Джереми вздохнул и одним гибким движением поднялся со стула у двери, где продолжал бдения. Ступая тише, чем явившийся в комнату грабитель, он мгновенно преградил ему путь. По сравнению с вором Джереми казался человеком-горой, хотя и незваный гость был далеко не щуплым уличным мальчишкой. Столкнувшись с неожиданным препятствием, грабитель с позором бежал из комнаты.

Джереми захлопнул за ним дверь. Разочароваться он так и не успел. Ночь только начиналась. У грабителей еще уйма времени для попыток. Если понадобится, он, Джереми, будет отпугивать одного за другим, пока не дождется мастера своего дела.

А Перси совсем приуныл. Он сидел на кровати, прислонившись спиной к стене, — лечь на местные серые простыни ему и в голову не приходило. Только по настоянию Джереми он присел на постель и притворился спящим. Но предупредил, что «одеялом укрываться не стану, благодарю покорно».

— Должен же быть другой способ нанять вора, — сетовал Перси. — Может быть, существует агентство найма?.. Джереми едва сдержал смешок.

— Терпение, старина! Я же говорил, что понадобится ждать всю ночь.

— Надо было спросить твоего отца... — промямлил Перси.

— О чем это?

— Да так, дружище, ни о чем.

Джереми покачал головой, но промолчал. Винить Перси за то, что он сомневался в способности Джереми справиться со столь сложной задачей, было невозможно: Джереми был на девять лет моложе Перси. К тому же болтуна Перси, начисто лишённого умения хранить секреты, никто не посвятил в тайну происхождения и воспитания Джереми.

В первые шестнадцать лет жизни и работы в таверне у Джереми обнаружилось немало неожиданных талантов. Во-первых, умение пить, не пьянея: Джереми мог свалить под стол одного за другим всех своих приятелей, выпивая с ними наравне, но оставаясь трезвым. Во-вторых, ловкость и удачливость в драках. Не следовало пренебрегать и способностью отличать настоящую угрозу от мнимой.

На этом единственное в своем роде образование Джереми не закончилось: узнав о существовании сына, Джеймс сам взялся за него. Но Джеймс Мэлори враждовал с многочисленной родней и вел в Карибском море беззаботную жизнь пирата — вернее, как он предпочитал себя называть, пирата-джентльмена. Тем временем Джереми занималось пестрое сборище — команда Джеймса, обучая мальчишку тому, чего в его возрасте не полагалось знать.

Обо всем этом Перси и не подозревал. В друге он видел только обаятельного повесу, к двадцати пяти годам повзрослевшего, но не утратившего обаяния: стоило Джереми войти в комнату, как он попадал под прицел влюбленных взглядов всех присутствующих женщин. Разумеется, кроме своих родственниц. Те его просто-напросто обожали.

Внешность Джереми унаследовал от своего дяди Энтони: знакомясь с ним, каждый мог бы дать голову на отсечение, что Джереми — сын Тони, а не Джеймса. Подобно дяде, Джереми был высок ростом и широкоплеч, мог по праву гордиться тонкой талией, узкими бедрами и длинными крепкими ногами. У обоих губы были сочными, подбородки — четко очерченными и надменными, носы — горделивыми, римскими, кожа — смугло-бронзовой, а волосы — густыми, оттенка эбенового дерева.

Но первыми взгляд притягивали глаза — отличительная черта лишь немногих мужчин семейства Мэлори: яр-

ко-синие, с тяжелыми веками, с едва уловимым намеком на экзотический разрез, с бахромой пушистых черных ресниц, под густыми бровями вразлет. Цыганские глаза, унаследованные от прабабушки Джереми, Анастасии Степановф, — наполовину цыганки, о чем ее родные узнали только в прошлом году. Анастасия пленила Кристофера Мэлори, первого маркиза Хейверстона, и он женился на ней на второй день знакомства. Но это семейное предание знали только их прямые потомки.

Понять, почему Перси уже жалел, что не додумался обратиться к отцу Джереми, было несложно. Друга Перси, Дерек, Джеймс избавил от затруднений весьма щекотливого свойства. Перси не подозревал, что когда-то Джеймс был пиратом, зато прекрасно помнил, что Джеймс Мэлори во времена молодости слыл самым отчаянным лондонским задирой и щеголем. И разве нашелся бы в столице хоть один смельчак, способный бросить Джеймсу вызов, — будь то на ринге или на дуэли?

Перси поерзал на постели и опять притворился спящим. Все звуки в комнате стихли, друзья затаились в ожидании очередного грабителя.

Джереми задумался: стоит ли объяснять Перси, что в ближайшее время Джеймс ему ничем не поможет, так как уехал в Хейверстон в гости к брату Джейсону, через день после того, как у Джереми появился новый городской дом? Сам Джереми не сомневался, что в поместье отец задержится на пару недель — из опасения, что в противном случае Джереми привлечет его к выбору и приобретению мебели.

Погруженный в мысли, Джереми чуть не упустил из виду тень, бесшумно скользнувшую через всю комнату к кровати. На этот раз он не слышал, как открылась дверь — сказать по правде, вообще не слышал ни звука. Если бы обитатель комнаты на самом деле спал, этот незванный гость не разбудил бы его.

Многозначительно улыбнувшись, Джереми чиркнул спичкой и поднес ее к свече, которую заранее поставил на стол возле своего стула. Вор мгновенно обернулся. Джереми вольготно развалился на стуле. Вор и не подозревал, насколько быстро Джереми способен сорваться с места в случае необходимости. Но и вор тоже не двигался: очевидно, такой встречи он не ожидал.

— Вот так так! — Перси поднял голову. — Неужели нам наконец-то повезло?

— Похоже на то, — отозвался Джереми. — Я не слышал ни звука. Это наш человек — точнее, мальчишка, если уж на то пошло.

Вор опомнился, и ему явно не понравилось услышанное; он подозрительно уставился на Джереми прищуренными глазами. Джереми не обратил на этот взгляд ни малейшего внимания. Он высматривал оружие, но вскоре решил, что вор безоружен. Разумеется, в карманах у самого Джереми лежало по пистолету, но доставать их он не торопился.

Ростом выше первых неудачливых грабителей, но заметно тоньше их, этот вор был еще очень молод — судя по гладким щекам, лет пятнадцати-шестнадцати. Очень светлые, почти белые волосы, выющиеся от природы, он коротко стриг. Бесформенная черная шляпа вышла из моды несколько веков назад. Темно-зеленый бархатный сюртук — несомненно, краденый — был невероятно засален, обтрепан и измят, как будто в нем постоянно спали. Когда-то белая рубашка еще сохранила на вороте остатки оборок, под длинными черными панталонами виднелись ступни, башмаков не было. Хитрый малый! Неудивительно, что он проскользнул в комнату бесшумно.

На заурядного вора неизвестный не походил — вероятно, причиной тому была его юношеская миловидность. От неожиданности он уже давным-давно оправился. Еще мгновение — и он метнулся к двери, но Джереми был

начеку. Привалившись к двери спиной, он скрестил руки на груди. И расплылся в ленивой усмешке.

— Не спешите, юноша. Вы еще не выслушали наше предложение.

Вор вновь растерялся и уставился на него во все глаза. Наверное, его обезоружила улыбка Джереми, а может, расстроила собственная неудачная попытка бегства. На этот раз Перси заметил взгляд неизвестного и посетовал:

— Черт побери, он тарашится на тебя, как распутная девчонка! Нам нужен мужчина, а не ребенок.

— Возраст не имеет значения, старина, — возразил Джереми. — Главное — ловкость, остальное уже не важно.

Парнишка густо покраснел, оскорбленно нахмурился и впервые обернулся к Перси.

— Никогда не видал такого смазливового богача.

Эпитет насмешил Перси — в отличие от Джереми. Храбрец, который в прошлый раз назвал его «смазливый», недосчитался нескольких зубов.

— Кто бы говорил! Да у тебя самого девчоночье лицо, — парировал Джереми.

— И правда! — подхватил Перси. — Тебе не помешало бы отрастить бороду или хотя бы снизить голос на пару октав.

Это предложение вновь вогнало юношу в краску, и он пробурчал:

— Щетина пока не растет. Мне же пятнадцать... вроде бы. Просто длинный, вот и все.

Джереми мог бы посочувствовать пареньку — в первую очередь из-за этого «вроде бы», означающего, что юный преступник, подобно многим сиротам, не знает, когда родился. Но Джереми одновременно заметил две вещи. Голос неизвестного поначалу высоко взвился, а к концу фразы понизился, как бывает у мальчишек в тот трудный период взросления, когда у них ломает-